

работу библиографа. М. Я. Мельц с честью вышла из этих затруднений. Сравнив систему подачи материала в первом и последующих двух томах, мы видим, что многих случаях разделы разбиты на более дробные подразделы. Например, послови и поговорки в первом издании охватывали три раздела, в последнем издании их по былинам и баллады давались вместе, теперь они разделены: три раздела отведены былинам, два — балладам. Таких примеров можно бы привести больше. Многие замечания сформулированы точнее и лучше продуманы. Введены новые разделы. Особно расширен раздел, посвященный науке о фольклоре. Здесь также в некоторых случаях увеличено число подразделов, появились и новые разделы («Текстология фольклора», «Лингвистическое изучение русского фольклора», «Изучение русского фольклора за рубежом» и др.). Охват материала гораздо шире, чем в первом томе. Об этом можно судить уже по оглавлению, которое в первом издании занимает полных 2,5 стр., а в последнем — полных 4 стр. В заключение хочется еще раз подчеркнуть тщательность и продуманность всей работы составителя.

В. Я. Пропп

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

P. Nedo. *Grundriss der sorbischen Volksdichtung*, Bautzen, 1966, 284 S.

Сравнительно недавно в Германской Демократической Республике опубликованы очерки, посвященные фольклору лужицких сербов, т. е. сорбов, по принятой в западноевропейской науке и в современном быту терминологии. Автор этих очерков — известный этнограф и фольклорист проф. Павел Недо, шестидесятилетие которого будет отмечаться в этом году. Книга эта отнюдь не случайность на исследовательском пути ее автора. Уже первая его еще студенческая работа, опубликованная в 1931 г., была посвящена песням сорбов. С того времени он неустанно работает в области сорбской этнографии и фольклора, одновременно отдавая много сил созданию сорбского этнографического музея в Бауцене.

Исследовательская работа не является для Павла Недо самоцелью, а идет у него параллельно с большой просветительской и общественной деятельностью. Падение фашизма застало его в концентрационном лагере, куда он был заключен по обвинению в государственной измене из-за контактов с той частью интеллигенции в славянских странах, которая симпатизировала сорбам. В первые послевоенные годы Павел Недо целиком уходит в ответственную организационную работу и только в 1951 г. снова возвращается к научным занятиям, становится доцентом, а затем профессором немецкой и сорбской этнографии и директором сорбского института при университете им. Карла Маркса в Лейпциге. С 1964 г. он работает профессором этнографии в университете им. Гумбольдта в Берлине.

В своих исследованиях Павел Недо уделяет особое внимание немецко-славянским культурным взаимодействиям и с исключительной энергией способствует развитию современной этнографии и фольклористики.

Огромной заслугой его является издание атласа сорбского народного костюма, монографии, посвященной сорбской народной сказке и, наконец очерков сорбского фольклора. Последняя работа как бы подводит итог тому, что сделано наукой в этой области.

«Очерк сорбской народной поэзии» включает в себе три основных раздела. В вводной части даны основные сведения о социальной и этнической истории сорбов, указаны причины и раскрыт характер их двуязычия, дана общая характеристика сорбского фольклора, рассмотрено влияние на него письменности и литературного языка. Завершается этот раздел очерком истории сорбской фольклористики.

Второй раздел посвящен сорбскому фольклору эпохи позднего феодализма. В этом разделе рассмотрены основные жанры сорбского фольклора: 1) заговоры, загадки, пословицы, 2) обрядовый фольклор, 3) народные предания, 4) народные сказки, 5) народные шванки, 6) народные песни, 7) детский фольклор.

Главы, посвященные отдельным жанрам сорбского фольклора, построены не единообразно. В одних рассмотрена история собирания и изучения жанра, в других нет; в одних дано определение жанра, в других нет; в одних проведен анализ поэтических средств, в других нет; в одних уделено внимание исполнителем, в других нет и т. п. Подобный разнобой в построении отдельных глав не случаен, он объясняется состоянием науки, тем, что в «Очерках» Павел Недо подводит итог тому, что сделано до настоящего времени как им самим, так и другими исследователями в изучении сорбского фольклора.

Третий раздел книги посвящен сорбскому фольклору эпохи капитализма (1850–1945 гг.). В нем рассмотрено воздействие на фольклор развития капитализма в деревне, а также воздействие фольклора на сорбскую литературу XIX—XX вв.

В «Заключении» освещено значение для сорбского фольклора социалистической культурной революции.

В приложении к книге дана обширная библиография.

Очерки Павла Недо, написанные на большом материале, с учетом всей предшествовавшей собирательской и исследовательской работы, дают яркое представление об истории, характере, составе и условиях бытования сорбского фольклора.

Общие положения, высказанные П. Недо и положенные в основу его книги, не вызывают возражений. Хочется поспорить лишь с некоторыми из высказанных им определений.

Например, давая определение предания как жанра, П. Недо пишет: «Народная сага, согласно общепринятому определению,— повествование о поступках мифологических или демонических персонажей и о столкновении человека со сверхъестественными силами» (стр. 114). Таким образом, в понятие предания включаются только мифологические и суеверные мемораты и фабулаты. Против такого суженного истолкования этого жанра, которое характерно для некоторой части современной западноевропейской науки, неоднократно возражал ряд исследователей (Гизела Бурде-Шнейдевинд, К. В. Чистов и др.). Поскольку сам П. Недо включает в раздел преданий не только мифологические, но и исторические предания, он сам же расширяет представление о термине «предание» и опровергает свое же определение.

Нельзя согласиться и с определением сказки, которое П. Недо дает (стр. 147) вслед за акад. Ю. М. Соколовым: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера». Определение это не вскрывает жанровых отличий сказки от предания, легенды, былички и настольно широко, что может быть применено к любому виду народной прозы. В данном случае оно особенно неуместно, поскольку Павел Недо тут же дает самостоятельный раздел, посвященный шванку.

Несколько удивляет объединение в одном разделе таких разных жанров, как заговоры, загадки и пословицы. Если автор не хотел по каким-либо соображениям дать самостоятельную главу, посвященную каждому из этих жанров, можно было объединить в одну главу загадки и пословицы, имеющие некоторые общие черты, заговоры же отнести к обрядовому фольклору.

Высказанные нами соображения ни в коей мере не снижают высокую оценку труда профессора Недо. Книга его, написанная на исключительно большом материале, с незаурядным знанием предмета, блещет тонкостью анализа, отличается глубоким историзмом. Это подлинно научный, крупный вклад в дело пропаганды сорбского народно-поэтического творчества, т. е. в дело, которому Павел Недо отдал многие годы своей жизни, которым он занимается с увлечением ученого и страстностью агитатора.

Недаром эта книга стала своего читателя и заслужила многочисленные восторженные отзывы исследователей и любителей народной поэзии, друзей сорбского народа.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Наоэ Хиродзи. *Тюоку-но миндзокугаку*. (Этнография Китая), Токио, 1967, 309 стр. (на япон. яз.)

Автор книги Наоэ Хиродзи — профессор Токийского педагогического института, лауреат премии им. Янагида Кунио, присуждаемой в Японии за труды в области этнографии, складывавшейся и фольклора. Как отмечает автор в предисловии, именно исследование Янагида в свое время пробудили в нем интерес к этнографической науке.

Здесь следует заметить, что японский термин «этнография» (миндзокугаку) в иероглифической передаче имеет два варианта, один из которых может быть переведен как «наука об этносах», другой — как «наука о народных обычаях». Нетрудно видеть, что оба эти понятия соотносятся между собою примерно так же, как *Völkerkunde* и *Volkskunde* в немецкой терминологии (объясняется это тем, что современная этнография складывалась в Японии под значительным влиянием немецкой этнографической школы). Янагида был одним из крупнейших представителей второго направления в японской этнографии. Согласно концепции, проповедовавшейся им и его последователями, задачи этнографического исследования заключаются в изучении различных сторон традиционного народного быта — обычаев, верований, устного творчества. Но если сам Янагида и его ученики занимались в основном исследованиями в области японской этнографии, то Наоэ Хиродзи стал одним из первых японских ученых, обратившихся к этнографическому изучению китайцев. Пройдя курс истории Востока в Университете Токио, Наоэ закончил его в 1941 г. Через год он получил предложение принять участие в социологической экспедиции в провинцию Шаньси (Северный Китай), а затем занял должность доцента при Университете Фучжэнь в Пекине. Разнообразный полевой материал, собранный Наоэ за время пятилетнего пребывания в Китае, и лег в основу его исследований в области различных сторон культуры и быта китайцев.

Рецензируемая книга (13-й том в серии «Этнография и фольклор», публикуемой книгоиздательством Ивасаки) представляет собой сборник статей и очерков, написан-